

Г. Г. Писаревский.

Внутренний распорядок в колониях Поволжья при Екатерине II.

В основанных Екатериной II иностранных колониях Поволжья долго не налаживалось нормальное течение жизни. Ни сами колонисты, ни поселившее их правительство не были довольны результатами водворения.

Более половины общего числа водворенных здесь колонистов (12.215 на общую цифру 23.109 душ обоего пола) оказались в своеобразных зависимых отношениях к вызывателям, организовавшим переселение их из-за границы: эти колонисты обязаны были платить им десятину урожая (и даже от приплода домашней птицы) и признавать их административно-полицейскую власть, не получая за это никаких преимуществ сравнительно с *коронными* колонистами, набранными агентами правительства и свободными от платежа десятины. Это неравенство прав и обязанностей привело к волнениям в вызывательских колониях: вызывательские колонисты отказывались платить десятину и просили правительство избавить их от дирекции вызывателей и причислить к числу коронных. Вызыватели же настаивали на своих правах. Правительство, с молчаливого согласия которого заключены были договоры между вызывателями и навербованными ими колонистами, попало таким образом между двух огней.

С другой стороны уже не одни вызывательские, но и вся масса колонистов, не исключая коронных, по прибытии в Поволжье и водворении на местах, оказалась разочарованной. Читая широковещательные рекламы и рассказы вербовщиков о привольной и изобильной жизни в России, колонисты мечтали найти на новых местах чуть ли не молочные реки в кисельных берегах, полагая, что русское правительство обеспечит им безбедное существование без особых с их стороны трудов. А между тем им пришлось селиться в стране, едва затронутой культурой, где нужен был тяжелый труд над нетронутой целиной, и столкнуться с неподготовленностью местной администрации к приему массы переселенцев и с враждебностью местного населения, которое отводимые колонистам земли и уголья привыкло считать своими. Главная же беда заключалась в том, что сами колонисты оказались мало пригодными для земледельческой культуры. Несомненно, среди них было здоровое земледельческое ядро, но большинство мало было подготовлено для той роли, которая ему предназначалась: городские пролетарии, ремесленники, всякого рода неудачники, опустившиеся представители интеллигентных профессий, пьяницы, азартные игроки и лентяи составляли, по-видимому, не малый процент среди колонистов. Не умея или не желая работать, они во всем винили правительство и предъявляли к нему несообразные и чрезмерные требования. Они по своему толковали манифест 22 июля 1763 г., «будто бы оным обещано было все то им давать, чего они ни потребуют, и будто бы канцелярия опекунства иностранных сама их в том удостоверила»...

«Будучи в столь великом заблуждении, почитая себя, может быть, для России необходимо нужными, не показав еще никаких заслуг, ниже опыту искусства своего и трудолюбия», колонисты, «выехав в Россию почти обнаженные», требовали, «сверх построения домов, по шести сот рублей в ссуду на одно только крестьянское исправление, с таким при том грубым выражением, что когда по желанием их удовольствованы не будут, то они ни на что не согласятся, чтоб с ними ни последовало», и хотели, «чтоб препровождены были обратно на прежнее их жилище, не упоминая ничего о заплате издержанных на них денег, так, как-будто бы высокая

корона дала им в том на себя какое обязательство»¹.

Тридцатидесятилетний надел земли на каждую семью колонисты признавали недостаточным, утверждая, что «невозможно сделать из одного довольного для пропитания себя и zapлаты (в казну) издержанных» на них «денег прибýtка»; между тем эта норма надела была установлена после предварительных совещаний графа Орлова с представителями колонистов и признана ими вполне достаточной, после чего была уже утверждена императрицей².

Немцы — Готтлиб Бауэр (Gottlieb Bauer)³ и Адольф Лане (Adolf Lane), касавшиеся в своих работах вопроса о качественном составе первых иностранных насельников Поволжья, встают против мнения, что это был очень сомнительный элемент, в большинстве неспособный к земледельческой колонизации, „der Abschaum Deutschlands" (Клаус). Лане, ссылаясь⁴ на напечатанный нами документ⁵ от 14 февраля 1769 года — «Ведомость о числе способных и неспособных к хлебопашеству колонистов» — находит, что число неспособных не превышало 9%. Но показаниям этой ведомости нельзя придавать безусловного значения. Во-первых, к числу неспособных в ней отнесены лишь те колонисты, относительно которых уже не оставалось никакого сомнения, что из них не выйдет земледельцев, а к числу способных и те, которые кое-как вели еще хозяйство. Во-вторых, нельзя забывать, что этот документ представляет из себя официальное донесение императрице президента канцелярии опекунов иностранных гр. Орлова, своего рода отчет о деятельности подведомственного ему учреждения, о степени успешности и плодотворности его работы. К официальной статистике в таких отчетах нужно относиться с большой осторожностью. Тот же самый граф Орлов в своих трех дошедших до нас письмах к колонистам аттестует их

¹ Письмо президента канцелярии опекунов иностранных графа Григория Орлова к выехавшим в Россию колонистам от 28 апреля 1765 года.

² Письмо гр. Орлова к колонистам от декабря месяца 1765 года.

³ Geschichte der deutschen Ansiedler an der Wolga. Saratow. 1908. 16-18 стр.

⁴ В брошюре „Deutsche Bauernkolonien in Russland", стр. 8.

⁵ В книге «Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в.», приложение № 38.

совершенно иначе⁶.

«Не смотря на всевозможные о благополучии вашем старания», писал гр. Орлов в первом своем письме колонистам, «с крайнею прискорбностью нахожу весьма противные и горькие плоды начальных трудов моих и попечения, потому что *некоторые из вас, вместо ожидаемого трудолюбия, получая с излишеством на разные ложно представляемые надобности в ссуду деньги и обращаясь во всегдашнем пьянстве и роскоши, проматывают без всякой заботы, так что не остается почти ни малой надежды ни к поправлению им впредь своего состояния, ни к возвращению в казну должно. Другие же, будучи и воздержаннее от вышеписанных двух пороков, но препровождая время в крайней лени, с недозволенным негодованием жалуются, что не исполняют их чрезмерно великих и несправедливых требований и не допускают тем обогащаться чужими трудами в предосуждение природным (коренным русским) подданным*»⁷.

Второе письмо Орлова, вызванное подачей колонистами прошения императрице с рядом жалоб на канцелярию опекунства и ее президента, также с отрицательной стороны трактует всю массу колонистов и указывает на неосновательность их жалоб, в частности же жалобы на недостаточность тридцатидесятинного надела. «Еще ни один из вас», писал Орлов колонистам, «не оказал сколько можно трудолюбивому хозяину обработать более оногo (тридцатидесятинного) участка, ибо еще и самого того называемого вами малого числа не обработано. Из чего я ясно понимаю, сколь мне малая надежда остается видеть вас спокойных и довольных так, как бы я желал всем сердцем.

Подобные сему и многие пункты вашего прошения. Не спорю, если бы оные были от некоторого числа, то бы я мог подумать и утешать себя тем, что между столь многими людьми могут быть некоторые развращенные в своих предприятиях, так как говорится пословица, что в семье не без урода. Но потому что оные прошения все согласно от всех вас по поручению

⁶ «Копии с писем от господина президента канцелярии опекунства иностранных к выехавшим в Россию колонистам». (Архив Главного Управления Землеустройства и Земледелия, в деле № 326).

⁷ Письмо от 28 апреля 1765 г.

комиссии вашими поверенными подписаны, то самим сим совершенно вся надежда пресекается»...

Через пять лет (16-го марта 1770-го года) президент канцелярии опекунства вынужден был снова обратиться с посланием к колонистам, в котором, указав на неудачу ранее предпринятых мер для их исправления, писал: «ныне к крайнему моему неудовольствию ежедневно почти доходят до канцелярии опекунства иностранных чрез представление от ее конторы известия, что *хотя вы не все, но большая из вас часть, вместо ожидаемого поправления, хуже прежнего еще становитесь*, а именно: 1-е, вовсе не стараетесь о исправлении полевых работ и домашних своих экономий; 2-е, не только не бережете, но умышленно проматываете данные вам от высокой короны в ссуду скот и другие вещи, а размотав оные, равно и не производя работ, неистово требуют от конторы, забыв вовсе то почтение, которое ей, яко поставленному над вами начальству, оказывать должно, чтоб оные как хлебом, так скотом и прочими вещами, а особливо деньгами снабдевала вас, не смотря на то, что прежде в довольном количестве всем тем снабдеваны уже, так что при добром смотреии в хозяйстве и прилежном исправлении работ не досталось бы требовать сего в другой раз. *Иные же единственно по прихотям разные требования производят и, будучи недовольны отказом в таковых требованиях, чинят ослушания не только конторским, но воспоследовавшим и от канцелярии опекунства иностранных повелениям, касающимся единственно до восстановления между ими доброго порядка и до приведения чрез то всех вас в желаемое состояние*»...

Еще во втором своем письме, вызванном подачей колонистами прошения императрице, граф Орлов грозил им, что будет ходатайствовать перед государыней об увольнении его от должности президента, предлагая самим колонистам наметить подходящего, по их мнению, преемника ему. Своего намерения граф тогда не исполнил, потому что колонисты «на путь истины обращаться было начали». Ныне же «рассудил я в последний раз», пишет граф в третьем своем письме, «чрез сие дать вам знать, что если виновные в вышепрописанных поступках не раскаются и не будут стараться о поправлении поведения своего, но *по прежнему разные продерзости чинить, или в лености, пьянстве и в других вредных беспорядках*

обращаться станут, наипаче же когда по-прежнему хотя подобные чинить станут против повелений канцелярских и конторских ослушания, то я непременно уже о увольнении меня от правления вами и о препоручении другому всемилостивейшую государыню утруждать не оставлю с таким при том Ее И-му Величеству изъяснением, что в приведении вас в желаемое состояние кроме строгости и жестоких наказаний предуспеть нельзя».

Столь же нелестный отзыв о колонистах дал пять лет спустя после третьего письма графа Орлова астраханский губернатор Кречетников в донесении генерал-прокурору князю Вяземскому. После Пугачевского бунта в 1775 г. решено было восстановить саратовские укрепления, допустив к этой работе «одних только тамо поселившихся колонистов всякого пола (и) возраста за умеренную плату казенным хлебом», т. е. правительство хотело доставить подходящий заработок только что потерпевшим разорение колонистам. Заведывание этого рода «общественною» работою возложено было на Кречетникова, который считал возможным выполнение ее колонистами лишь в том случае, если присланы будут войска для удержания их в повиновении. По этому поводу Кречетников писал о колонистах: «а как упомянутая работа производиться ими должна наступающей ныне зимою, когда нигде никакого земледельства не бывает, кроме одного домового рукоделия, какового они колонисты или весьма мало некоторые знают, или и совсем не имеют, следовательно и остается им снискивать себе пищу единственно от той возложенной на них земляной работы, в которой они по усмотренной лениности, конечно, не без принуждения не преминуют, получая себе заплату одним только провиантом за заработанное время, и без того оного им и давано не будет, — в сем случае по известному их распутному житию не возмечтали б они иногда от оной работы избыть леньюстью, дерзостью и непослушанием и паче не могли б от сего прийти и в смятение, да и других соседних с стороны жителей возбудить, как то пред сим они и неоднократно на непослушание покушения свои уже имели, но были усмирены, отчего тогда и надлежит их предудерживать военными людьми, которых в Саратове состоит один пехотный батальон и небольшое число казаков, но из оных солдат по бывшему смятению (Пугачевский бунт) многие впадшие выключены в каторжные работы». Просьба Кречетникова была уважена, и

из Сызрани был прислан в Саратов еще батальон пехоты⁸.

Трудно было управлять разношерстной и недисциплинированной массой колонистов. Эта задача первоначально возложена была на саратовскую воеводскую канцелярию, «которой поручено было тогда главное над колонистами смотрение». Саратовская канцелярия получила на этот предмет особую инструкцию из канцелярии опекунства иностранных, но колонисты не были довольны этой инструкцией, и среди них «сыскались и такие продерзкие, которые отважились письменно саратовскому воеводе отозваться», что «почитают» ее «недействительною», «называя письмом, сочиненным без соизволения ее императорского величества»⁹.

Занятая множеством других дел, составлявших прямую ее обязанность, воеводская канцелярия не могла уделять много внимания колонистам и впоследствии подверглась обвинениям в нерадении «о исполнении своей должности», а именно в том, что не имела за вызывателем Дебофом «никакого присмотра». Поэтому в 1766 году была учреждена в Саратове контора канцелярии опекунства иностранных¹⁰, и ей предписано было «управлять всеми колонистами без изъятия, и всякие распорядки и главное надзирание иметь во всех селениях, доколе внутренняя юрисдикция сочинена и правительством утверждена, а вызывателям власть определена не будет»¹¹. Два года спустя, по ходатайству конторы, для наблюдения за колониями создан был институт окружных комиссаров в составе шести членов.

Необходимость создания этого института саратовская контора мотивировала тем, что «в рассуждении обширности занятой и заселенной иностранцами земли... в раздаче тем иностранцам как кормовых денег,

⁸ А. А. Герасимов. Обзор «Пугачевских» Дел из астраханского губернского архива. Саратов. 1913. Стр. 10-ая.

⁹ Письмо графа Орлова к колонистам от 28 апреля 1765 года.

¹⁰ Полное Собрание Законов, т. XVII, № 12.630: высочайше утвержденный доклад сената от 28 апреля 1766 года.

¹¹ Архив Главного Управления Землеустройства и Земледелия №№ 253 или 25 838 (новая и старая нумерация): «Описание поступков вызывательских в новозаведенных колонистских селениях», см. приложение № 32 в нашей книге «Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в.».

всяких материалов и других припасов, в понуждении их к работам, в присмотре за их поведением, так и в направлении их (ей) самой чрез положенных по штату служителей предупредить не можно, да и самим иностранцам от частых переездов в Саратов и обратно в свои жительства причиняется не малый убыток, а наипаче в рабочую пору принуждены упускать удобное время тщетно»...

Признавая эти соображения основательными, канцелярия опекунства иностранных полагала, «что сверх прописанных обстоятельств» «учреждение окружных комиссаров нужно наипаче потому, что без особенного за колонистами присмотра в самих их селениях обойтись не можно, в рассуждении того, что *не мало между ими находится беспорядочных, ленивых и невоздержных*, и при том доброго из их состояния люди сами о том, для вспомошествования своего к приведению несостоятельных к трудолюбию, неотступно просят, отзываясь, что одним выбранным из самих колонистов начальникам управиться не возможно, да и доверенности им в хранении выдаваемых колонистам кормовых и ссудных денег учинить не бессомнительно, ибо в каждом округе или приходе, по каковым иностранцы, в силу конфирмованного доклада в 1764 году марта 19 дня, разделены по религиям, находится будет от четырех до шестисот семей».

В виду сложности и серьезности предстоящих задач, по мнению канцелярии, «должны те комиссары быть не только люди хорошего поведения и трудолюбивые и попечительные, но и довольно сведущие в практике о сельской экономии и знающие иностранные языки»¹².

Дальнейшей ступенью в организации управления колониями было точное определение прав и обязанностей низших выборных колонистских властей, форштегеров и бейзицеров, и подчинение строгой и мелочной регламентации всей личной, семейной и хозяйственной жизни колонистов. Это и достигалось составленной в 1768 году саратовской конторой «временной юрисдикцией», которая в следующем 1769 году была утверждена канцелярией опекунства иностранных под именем

¹² Государственный Архив, XVI: «Доклад (сената) с испрошением высочайшего указа о учреждении при саратовской конторе опекунства иностранных особенной счетной экспедиции и окружных шести комиссаров с прочими служителями».

инструкции. Полное название этого замечательного в истории колоний акта, положившего неизгладимую печать на весь внутренний их быт, следующее: *«Инструкция, по которой все новопоселенные иностранцы поступать должны, с показанием, каковыя преступления зависят от главного правительства, то есть канцелярии опекунства иностранных и ее конторы, и что оставляется внутреннему разбирательству их начальником».*

Ближайшим образом издание и введение в действие этой инструкции преследовало две цели. Во-первых, нужно было прекратить волнения, вызванные вопросом о вызывательской власти. Инструкция упоминает о вызывателях, как о начальниках колонистов, но фактически лишает их всякой власти; всякое различие между вызывательскими и коронными колонистами стирается ею, хотя бы вызывательские колонисты на первый взгляд даже теряли от этого. Так, жалованье пасторам, патерам и шульмейстерам в приходах коронных колонистов только в течение двух лет со времени водворения последних выплачивало правительство, после чего сами прихожане должны были содержать означенных лиц; в колониях же вызывательских колонистов, «в силу заключенных ими с вызывателями своими контрактов», содержание духовенства было обязанностью не прихожан, а вызывателей. Инструкция потребовала и от вызывательских колонистов платежа устанавливаемого ею сбора на содержание духовенства, «с таким при том обнадеживанием», что когда власть вызывателей и их претензии будут ликвидированы, «и колонисты свободными от сего быть получают право, то и сей сбор зачтен быть может тогда в число доходов, принадлежащих от десятой части, по контрактам, их вызывателям».

Вторая цель инструкции — дисциплинировать беспокойные элементы колонистов, приучить их к земледельческому труду и достигнуть того, что «все до единого собственное от трудов своих пропитание иметь будут», в результате чего обеспечена будет исправная уплата колонистами лежащего на них казенного долга. Это — цель главная, доминирующая, ею проникнуты все параграфы инструкции. Читая последнюю, в конце концов получаешь впечатление, что это не правила, долженствующие регулировать жизнь взрослых и свободных людей, а устав приюта или земледельческой колонии для несовершеннолетних преступников.

При свете инструкции внутренний распорядок в колониях представляется в следующем виде.

I. Религиозный быт.

С целью нравственно перевоспитать колонистов, их поставили под надзор и непосредственное религиозное воздействие и руководство духовенства. Колонии сгруппированы были в округа, иначе «округи» или приходы, и в основу этой группировки положен вероисповедный принцип. Во главе прихода, как религиозной единицы, стоит пастор (лютеранский или реформатский), или католический патер.

1.

Обязанности духовенства.

Обязанности пасторов и патеров по отношению к прихожанам заключаются в следующем:

1. Пасторы и патеры не только обязаны, на основании божественного писания, преподавать прихожанам поучительные наставления, ведущие к душевному спасению, «но и собственным своим житием и поведением пример подавать».

2. Произносимые ими проповеди должны быть кратки и поучительны, чужды всяких религиозных споров и вражды, обличительных указаний на определенные лица и резкого тона.

3. Попечению пасторов и патеров вверяется как общее, так и специально религиозное обучение юношества, для чего надлежит «употреблять самый легкий и понятный способ»; а учение своей веры излагать, не касаясь других вероисповеданий; главным же образом следует внушать дух кротости и братолюбия, как долг истинного христианина.

4. Так как для исполнения этих обязанностей означенные духовные лица должны беспрестанно объезжать колонии своей округи, то этот

объезд необходимо устроить таким образом, чтобы каждая колония поучениями их могла воспользоваться в одинаковой мере. С этой целью прихожане обязаны бесплатно по очереди возить своего пастора или патера от одной колонии до другой; впрочем с общего согласия они могут заменить эту натуральную повинность денежной, составив всею округой утвержденный подписями и засвидетельствованный окружным комиссаром или коронным офицером приговор об особом сборе на содержание пастором или патером собственных лошадей. За эти поездки духовные лица не имеют права требовать с колонистов «какого-либо воздаяния сверх определенного» им «жалованья».

5. Духовенство обязано также добрыми советами и пастырскими наставлениями внушать прихожанам прилежание к работам и к добропорядочному поведению, «а сверх того ни в какие светские и сему сану неприличные дела не вмешиваться так, как доньше от некоторых бывало». Виновные в этом подвергаются наказаниям — от вычета из жалованья до отрешения от должности включительно.

6. По отношению к государству обязанности пасторов и патеров ограничиваются ведением метрических записей о сочетавшихся браком, родившихся и умерших. Для погребения последних отводятся «особые места», отстоящие от жилья не менее двухсот сажен, — их необходимо обносить плетнем; где есть кирки, погребение совершается при них.

2.

Обязанности прихожан.

1. Так как главнейший долг всякого человека, а особливо христианина, заключается в повиновении закону своей церкви, то *все колонисты неопустительно должны в воскресенья и в указанные патерами и пасторами праздники посещать свои молитвенные дома.*

Те, кто без уважительных причин будут «избывать молитвы», на первый и второй раз подвергаются увещанию, а потом «приводятся» «на путь истины» посредством пени в 10 копеек. Если с кого-либо такая пеня взята будет в течение одного года три раза, а виновный «не уймется», то,

удвоив пеню, подвергнуть его сверх того принудительной общественной работе в течение одного дня.

Законными причинами неявки на богослужение считаются следующие:

- а) «Если кто крайне скорбен»;
- б) смерть родственников или опасная и тяжкая болезнь кого-либо, хотя бы и не в собственной семье;
- в) пожар;
- г) основательное опасение какого-либо злодейства, воровства или разбоя;
- д) родины жены;
- е) потеря какой-либо ценной вещи и необходимость, во избежание разорения или большого убытка, немедленного ее отыскания.

2. Все колонисты, по прошествии двух лет со времени водворения, обязаны уплачивать денежный налог на содержание духовенства и шульмейстеров в следующем размере: с многолюдных семейств, в которых не менее трех работников мужского пола в возрасте от 18-ти до 60-ти лет, — по 96 копеек в год; с посредственных семейств, в коих не менее двух работников, — по 80 копеек, и с малолюдных, где имеется только один работник соответствующего возраста, — по 64 копейки. Налог этот уплачивается в три срока: в январе, в мае и сентябре. Для взимания его избираются «особливые церковные старосты», которые по третям года и передают его под расписку окружным комиссарам, а эти последние пересылают в контору опекунства иностранных, откуда пасторы, патеры и шульмейстеры и получают свое жалованье.

Кто из колонистов не уплатит в срок этого налога, то с него в первый раз он взывается с пеней в размере десяти копеек, а во второй раз с пеней в размере пятнадцати копеек; если же кто и в третий раз не уплатит в срок налога, то подвергается принудительному содержанию «на публичной работе» до тех пор, «покуда не заплатит». Сверх того о нем окружной комиссар делает в саратовскую контору представление «с прописанием состояния и о причинах, побудивших к такому ослушанию».

Всех же вообще, не желающих платить налога в пользу духовенства, канцелярия опекунства иностранных, сверх неперменного с них взыскания его, определила признавать «в числе ослушников и беспорядочных людей». Наоборот всех тех, которые «охотно согласились на достаточную дачу патерам и пасторам жалованья», она почитает «за людей порядочного поведения и трудолюбивых», видит в этом знак послушания и изъявляет им свое удовольствие. Очевидно налог в пользу духовенства вызвал ожесточенное сопротивление со стороны колонистов.

В действительности, впрочем, налог на содержание духовенства взыскивается лишь с тех колонистов, «которые, снабжены будучи всем потребным, не получают уже кормовых денег». Колонисты, еще не ставшие на свои ноги, не обеспечившие своей хозяйственной самостоятельности и состоящие на иждивении правительства, и по прошествии двух лет со времени водворения фактически не платят налога, но соответствующая его сумма причисляется к лежащему на них казенному долгу.

II. Должностные лица местного колониального управления.

Ближайшими «начальниками» колонистов, по определению инструкции, являются, во-первых, упомянутые выше пасторы и патеры, «душевные пастыри», во-вторых — «вызыватели над вызванными только ими колонистами и определенные от них всякого звания надзиратели», в третьих — форштегеры, бейзицеры и, наконец, «старшие в семействах своих правители домами». Так как общее благосостояние зависит от «порядочного управления и неусыпного попечения о добром хозяйстве» со стороны управляющих «и от трудов» самих управляемых, то первым подобает быть бескорыстными, справедливыми и беспристрастными, а вторым — послушными, почтительными и благодарными; общая же обязанность и тех и других — беспрекословно повиноваться императорской власти и поставляемым ею правительственным органам, а

также, «доколе генеральная юрисдикция от высшего правительства последует, сей на время учиненной и канцелярией опекунства иностранных опробованной инструкции».

Управление каждой колонией возлагается на форштегера и его помощников — бейзицеров; число последних зависит от величины колонии: в малых и средних по числу жителей колониях полагается иметь двух бейзицеров, в больших — трех. Как форштегеры, так и бейзицеры избираются сельским обществом колонии, по большинству голосов, из лиц, «знающих довольно сельскую экономию, трезвых, неподозрительных, попечительных об общем благе» и надежных, в возрасте от тридцати до шестидесяти лет. Приговор общества об избрании, через окружных комиссаров, представляется на утверждение саратовской конторы. Когда утверждение последует, новый форштегер, вместе с своими помощниками (бейзицерами) и нарочно выбранными из среды общества двумя или тремя лицами «хороших семейств и похвального поведения», принимает от своего предшественника дела, экономические суммы, составляющиеся из штрафов, приходные и расходные книги и общественное имущество («всякое публичное строение»), о чем составляется соответствующий акт. Для записи штрафных денег и прочих сборов форштегерам выдаются из конторы шнуровые книги. Срок службы форштегеров продолжается один год — с января месяца по январь следующего года, но каждый из них может быть переизбран, «буде добр явится». Бейзицеры служат только полгода, и выборы их производятся два раза в год — в начале января и в начале июля.

Должность форштегера являлась основной в местном колониальном управлении и наиболее переобремененной всевозможными обязанностями: на форштегере лежали администрация и полиция в широком и узком смысле этого слова, суд и руководство хозяйственной жизнью колонии. Сложность и многообразие функций, сопряженных с этой должностью, заставляли иных колонистов уклоняться от ее принятия, так как добросовестное несение ее не всегда можно было совместить с рачительным ведением собственного хозяйства. Форштегер колонии Россоши Жан Бабтист Жиро, ходатайствуя перед судьей саратовской конторы об увольнении его от должности форштегера, жаловался, что «он

совершенно запустил свое хозяйство вследствие потери времени, которая вызывается этой должностью, и денежных расходов на выполнение его работ наемными людьми, и убытков, которые он от этого потерял, и которые доходят до 25 рублей в течение 18 месяцев его форштегерства»¹³.

Инструкция признала справедливость таких жалоб и необходимость вознаграждения выборных должностных лиц за их службу «в рассуждении, что ни один начальник, обращаясь прилежно при своей должности, не может, чтоб не потерял иногда времени к обрабатыванию своего участка, следовательно, не получая еще за то и принадлежащего по справедливости за труды награждения, легко вовсе разориться может». Поэтому каждое сельское общество обязано в рабочую пору обработать для своего форштегера три десятины пашенной земли, обсеять их его собственными семенами, собрать урожай и перевозить до его жилища и, наконец, накосить сена три «обыкновенных стога мерою вокруг семь, а в вышину три сажени». «Для облегчения порядочно трудящихся при своей экономии» колонистов на указанную работу могут быть употребляемы порочные члены общества, осужденные за какие-либо проступки. Сверх этой натуральной повинности со стороны своих односельчан, каждый форштегер, исправно прослуживший год в своей должности, имеет право на сбавку из своего долга казне тридцати рублей, «а впредь», говорит инструкция, «сие или другое награждение определено быть имеет из общей экономической суммы». Если же найдется такой форштегер, который особенно отличится в деле хозяйственного благоустройства своей колонии и «удержит подчиненных своих в хорошем порядке с надлежащею строгостью», то он, по предоставлению конторы, «и сверх вышеписанного награждения прибавки ожидать может» от канцелярии опекунства. На поездки к окружному комиссару и в город по делам колонии форштегер берет подводы у колонистов по очереди. Бейзицерам полагается только по одному рублю в месяц денежного вознаграждения, которое зачитывается им в счет долга. Пользоваться подводами колонистов они не имеют права. Раз выбранных форштегеров и бейзицеров ни колонисты, «ниже

¹³ Мемориал форштегера колонии Россоши Жана Бабгиста Жиро от 13 января 1769 года. Напечатан в приложении к нашей книге «Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в.» под № 27, стр. 42-43.

вызыватели» сменять не могут до истечения срока их службы; в случае же преступных деяний со стороны означенных должностных лиц нужно немедленно приносить жалобы конторе и ждать ее резолюции; а кто замедлит принесением жалобы недели на четыре, таковых жалобы не принимаются конторой во внимание, за исключением тех случаев, когда будет доказано, что непреодолимые препятствия помешали сделать это своевременно.

III. Администрация и полиция.

Представителем административно-полицейской власти в каждой колонии является форштегер со своими помощниками — бейзицерами. В его ведении находится полиция не только в тесном, но и в широком смысле этого слова.

Форштегер поддерживает среди колонистов мир и тишину, пресекая среди них всякую вражду, «частые ссоры и поклёпные укоризны», и всею силою своей власти борется против роскоши и мотовства, «понеже всякая роскошь поселянина в убожество привести может». Под именем роскоши инструкция разумеет неумеренные расходы в доме, частые сборища гостей «и сему подобное, подающее повод тщетно расточать свое имение», а мотовством называет картежные или другие игры на имение и деньги, а равно продажу своего скота или другого какого имущества «без ведома своего начальника и без всякой нужды на пьянство или к удовлетворению других страстей».

В частности колонистам воспрещается всякое излишество на свадьбах, крестинах и других пиршествах. Местному колониальному начальству вменяется в обязанность смотреть за тем, чтобы на свадьбы не съезжалось более десяти человек гостей, и колонисты не обменивались бы при этом подарками до тех пор, «доколе долгов своим казне не заплатят.»

Самые браки между колонистами заключаются не иначе, как с разрешения саратовской конторы: форштегер, допустивший брак без такового разрешения, в первый раз подвергается штрафу в два рубля, «а потом наказание претерпит от правительства, какое определено будет».

С той же целью предотвращения роскоши колонистам запрещается,

без разрешения местного начальства, убивать себе в пищу какой бы то ни было скот или продавать его; а разрешение начальства может последовать в том лишь случае, «когда для своих домашних работ и пропитания» у колониста имеется еще достаточно скота. То же самое запрещение имеет силу и по отношению ко всяким вещам и необходимому для пропитания хлебу. Виновные в нарушении этого правила караются денежной пеней в следующем размере: за проданный скот берется в общую казну колонии пятая доля продажной цены, за вещи и хлеб — восьмая доля, а за убитый скот взыскивается двадцать копеек. Когда же продажа имущества без разрешения властей примет характер настоящего мотовства, то виновный подвергается принудительной работе в пользу общества, причем ему задаются «тягчайшие уроки», «так, чтоб никогда на таковое вредное» себе и обществу «дело» он не имел времени. Содержание на принудительной работе продолжается до тех пор, пока мот не образумится; при повторяющихся же случаях мотовства виновный может быть наказан в своей колонии шелепами, но не более двадцати ударов.

Стремлением избавить колонистов от излишних трат, перевоспитать их согласно условиям сельской жизни и тем обеспечить их благосостояние проникнуты те параграфы инструкции, которые говорят о праве найма работников и о харчевнях.

Только малосемейные или больные и притом обладающие личными средствами могут нанимать себе работников; колонисты же получившие на свое обзаведение деньги из казны и в указанных в уважительных случаях — болезни и малосемейности — этого права не имеют: необходимую помощь рабочими руками им оказывает все общество.

Под опасением наказания шелепами воспрещается кому бы то ни было держать в колониях трактиры или харчевни на том основании, что «сей... дозволяемый доньне некоторым... промысел, как опытом доказано, ко вреду всем прочим служит, так что многие колонисты и доньне ни квасу сделать, ни хлеба испечь, надеясь на таких содержателей, не умеют». Дух опеки, которым проникнута вся инструкция, сказался и в запрещении колонистам вступать в какие бы то ни было контракты и письменные обязательства без разрешения своего начальства. Для заключения подобных сделок с своею братией — колонистами одной и той же колонии

требуется позволение форштегера, а «с русскими жителями», малороссиянами и колонистами из других колоний — «апробация» окружного комиссара. За несоблюдение этого правила форштегер устранивается от должности и штрафуется на один рубль, а простой колонист платит пеню в двадцать пять копеек и лишается помощи от правительства по такому без ведома учиненному им обязательству».

В целях поддержания доброй нравственности и истребления тунеядства среди колонистов воспрещается кому бы то ни было давать у себя прибежище «непотребным» женщинам и мужчинам, а равно «бродить по колониям... просить милостыни и без дела шататься.» О случаях пристанодержательства «непотребных» местное начальство должно немедленно доносить конторе, а праздношатающихся своей властью определять в работники к семейным колонистам.

Так как пожары и скотские падежи всегда являлись бедствиями, наиболее подрывающими благосостояние сельского населения, то инструкция с особенной тщательностью останавливается на мерах их предупреждения и пресечения.

Для предупреждения пожаров форштегер и сам лично и через бейзицеров должен наблюдать за тем, «чтоб печи в избах и кухнях были крепки и надежны», и чтобы трубы в них были почасту чищены. Те колонисты, которые поленятся чинить свои неисправные печи, подвергаются наказанию, а именно: старший в семье до тех пор содержится под присмотром на хлебе и воде, пока не починит, а сверх того уплачивает в общую сумму двадцать копеек.

И по домам и по улицам в ночное время воспрещается ходить с лучиною, со свечами без фонарей и с закуренными трубками. За каждый случай нарушения этого правила виновные уплачивают пять копеек. Если же у какого-либо домохозяина возникнет пожар от несоблюдения именно указанных предосторожностей, то виновный подвергается публичному телесному наказанию в главном селении округа в размере сорока ударов шелепами.

Все легко воспламеняющиеся вещества, «опасные от огня вещи», по выражению инструкции, как то: сено, дрова, солому, немолоченный хлеб воспрещается класть вблизи строения; дрова нужно складывать на

огородах, а для хлеба и соломы отводятся начальниками особые места в расстоянии не менее пятидесяти сажень от жилья. Виновные в несоблюдении этого подвергаются штрафу «в общую сумму» в пятьдесят копеек; а если неисправность такого рода будет обнаружена окружными комиссарами, членами саратовской конторы или посланными от них «для таковых осмотров» лицами, то сам форштегер платит тогда двойной штраф.

На случай пожара желательно иметь в каждой колонии бочки с водой и для возки их по две лошади, наряжаемые по очереди, «которые всегда к тому на дворах в готовности стояли»; а для вящей безопасности надлежит и «в каждом дворе завсегда в особых кадках готовую воду держать», а равно иметь лестницы. Сверх того, по указанию инструкции, полезно бы было в каждой колонии специально для пожаров иметь по несколько особых железных больших крючьев и вил. Обязанность тушения пожаров лежит на всех колонистах, как мужского, так и женского пола, и каждый из них заранее должен знать, «с каким орудием ему для тушения пожара явиться, т. е. кому с посудью какою для воды, кому с топором и прочим к тому принадлежащим».

Чтобы вернее пресечь в самом начале пожары, а также и случаи воровства, инструкция рекомендует в каждой колонии «по общему всеобщему согласию» нанимать нарочных дневных и ночных караульщиков, и там, где нет ни церквей, ни специально приобретенных обществом колоколов, привешивать на столбах железную или деревянную доску, дабы означенные сторожа били сейчас же сполох, созывая жителей на помощь, как только заметят пожар или воров.

Когда в зимнее время колонистам приходится отправляться на сход в указанное начальством место или в летние дни одновременно и на богослужение в свой приходский храм и на сход, то одна четверть их, в предупреждение несчастных случаев, должна по очереди оставаться дома, о чем поставлять в известность священника и такое отсутствие «за прогулку молитвы не почитать».

Для предохранения лесов, посеянного хлеба и лугов от частых степных пожаров начальство каждой колонии должно стараться соответствующие уголья окопать рвами или сажени на четыре вокруг них

«вздрать» землю, оборотив дерн вверх корнями. Рекомендуется ту же самую меру применять и для охраны самих жилищ. Работы эти производятся в свободное от других занятий время, «когда которая колония удосужится», по усмотрению сельских властей; главным же образом следует употреблять на них лиц, осужденных за проступки на общественную работу.

Для предупреждения и пресечения скотских падежей инструкция предписывает ряд следующих мер:

Каждый домохозяин должен «весь свой двор содержать во всякой чистоте», а павший свой скот обязан отвозить от жилья на расстояние не менее четырех сот сажен в подходящее «закрывательное» место и там зарывать в глубокие ямы, «чтоб звери и собаки оного вырыть не могли, и не было от того заразительного для жителей и их скота духу». Кто же поступит противно сему, тот подвергается в присутствии жителей своей колонии телесному наказанию шелепами «по восьми ударов нещадно».

Если падеж скота примет характер эпидемии, в таком случае заразившихся животных нужно сосредоточить в специально устроенных удаленных от жилья и пастбищ пригонах, а затем немедленно сообщить комиссару и ближайшим иностранным и русским селениям о надвигающемся бедствии.

Колониям, расположенным по речкам или проточинам и страдающим от скотского падежа, если ниже их по течению, не далее десяти верст, имеются другие селения, воспрещается хворую скотину поить в названных источниках, «чтоб и водопоем соседям такого ж вреда не причинить». Воду для скота надлежит носить на себе в пригоны, которые посему и устраивать ближе к воде. Равным образом когда в той или иной колонии будет получено известие, что на десять верст выше нее по течению появилась болезнь скота, то предписывается «равную же иметь осторожность».

Сдирать кожи с павшего от заразы скота воспрещается.

За неисполнение всех этих правил форштегер подлежит телесному наказанию и отрешению от должности, а простые колонисты наказываются шелепами в размере двенадцати ударов.

Серьезное внимание уделяет инструкция охране прав собственности.

Форштегерам и бейзицерам вменяется в обязанность «почасту осматривать, чтоб поставленные межевые знаки были невредимы». Если окажется, что столбы обветшали, а пирамиды рассыпались, то немедленно об этом нужно доносить комиссару и по его приказанию поправлять. За нерадение в таких случаях взыскивается с форштегера «в общую сумму» полтора рубля, а с бейзицеров — по пятидесяти копеек. О виновных же в умышленной порче межевых знаков, доносится саратовской конторе, которая и налагает на них наказание «по гражданским законам».

Если кто найдет на дороге или в самой колонии какую-либо вещь, то должен, немедленно заявить о том своему начальству и хранить ее у себя «во всякой бережливости»; о находке доносится окружному комиссару, и когда собственник вещи отыщется, нашедший отдает ему ее при свидетелях, «не требуя за труд ничего, разве кто сам что добровольно дать согласится».

Равным образом, если забредет в колонию чужой скот, то, описав его приметы, следует тотчас объявить о том ближайшим соседям. Когда сыщется хозяин, скотина отдается ему. При этом он уплачивает десять копеек за голову крупного и шесть копеек мелкого скота¹⁴. Половина этих денег идет в пользу того, кто сберег скотину, а другая в общую экономическую сумму колонии. В зимнее время лицу, державшему у себя и кормившему заблудившийся скот, уплачивается хозяином, сверх указанного вознаграждения, за каждые сутки по раскладке, сообразно с ценой, какая стоит на сено в данном году.

За потрапу и толоку хлеба взыскивается в два раза «против просева», по цене, какая будет стоять в местном уездном городе, а за десятину травы — по двадцати пяти копеек.

Поймавший заблудившуюся лошадь, до отыскания хозяина, имеет право употреблять ее себе в работу, однако «с бережливостью», не изнуряя ее и кормя, как собственную. В противном случае за испорченную лошадь он платит «хозяину по оценке сторонних людей ту цену, которой она здоровая стоила», или даже покупную, если эта последняя без сомнения будет доказана. Когда из ближайших соседей никто не предъявит своих

¹⁴ За жеребят и телят вознаграждение уплачивается, как за мелкий скот.

прав на заблудившийся скот, тогда доносится об этом окружному комиссару.

Во избежание покупки краденого колонистам воспрещается покупать скот «без записки в определенных местах», а вещи — без свидетелей. В своей колонии позволение на покупку дается местными сельскими властями. При покупке же скота у калмыков акт купли и продажи записывается как у окружных комиссаров, так и у состоящих при помянутых инородцах правительственных приставов. Виновный в покупке без соблюдения этих условий платит «в общую сумму» за лошадь два рубля, за корову — один рубль, за овцу — двадцать пять копеек, а за вещь — третью часть ее стоимости по оценке.

Если же кто «без записки и свидетельства» купит вещь, которая окажется потом где-либо похищенной, то он не только платит положенный штраф, но и обязан беспрекословно вернуть ее собственнику. При этом может случиться, что последний по найденной вещи будет искать у покупателя и другие пропавшие вещи, и тот «в таком случае по законам подвергнет себя . . . чрез помянутую прилику и неосторожную без записки покупку не только следствию и заплате прочих вещей, но и наказанию», вследствие чего и рекомендуется всячески воздерживаться от таких покупок.

Чтобы не нарушать прав помещиков на крепостной крестьянский труд, воспрещается колонистам держать у себя беглых и беспаспортных. Нарушивший это запрещение «подвергает себя взысканию . . . штрафных денег», по указам, в пользу тех владельцев, «коиим те беглые принадлежат». А если укрывающиеся беглые будут изобличены потом в каких-либо тяжких преступлениях, то держатели их могут подвергнуться и «вшаему наказанию» по закону. Во избежание этого колонисты, желающие нанять себе работника и имеющие на то право, отбирают у него паспорт и предъявляют форштегеру, а этот последний — комиссару. Комиссар записывает имя наймита и дает позволение держать его, а паспорт его оставляет у себя в виде залога. Колонист, не исполнивший этого предписания инструкции, немедленно сажается под караул, а нанятый им работник при рапорте отправляется к окружному комиссару, под присмотром, «от жительства до жительства на переменных подводах».

Комиссар, убедившись, что это не беглый, дает позволение его держать; нанявший его хозяин освобождается из-под караула, но штрафуется при этом на один рубль «в общую сумму» «за непослушание». От работников, происходящих из ближайших селений, печатных паспортов не требуется, а лишь — письменные виды и «одобрение» старост. Но запись у комиссара и для них обязательна.

Впрочем и свобода передвижения самих колонистов сильно ограничена. Для трехдневной отлучки в другие колонии или в город им нужно брать отпускной билет у форштегера. Не явившийся в срок за каждые три дня просрочки штрафуется одним днем работы в пользу общества; если же у кого просрочка превысит две недели, о таковом доносится конторе «для исследования, где был». Желающие отправиться в русские селения не далее пятидесяти верст и получившие на это **согласие** своего местного начальства берут билеты у окружного комиссара; на большее же расстояние выдаются уже паспорта из саратовской конторы.

Общественное призрение, «содержание бедных и неимущих», инструкция возлагает на общество той колонии, к которой они принадлежат. С этой целью каждая семья или «всякой жилой дом» «в каждом поле пашенной земли уступает на пропитание их по одной восьмой доле десятины». Отведенная таким образом земля во всей ее совокупности обрабатывается общими силами всей колонии прежде собственных участков каждого домохозяина и обсеивается рожью, пшеницею, ячменем и другим хлебом, кроме овса, на средства общества. В уборке урожая и молотье принимают участие также все колонисты, а собранный хлеб находится «в смотре» форштегеров, которые в «повеленное время в подаваемых ведомостях» показывают его «особо». Кто не выполнит налагаемых на него инструкцией обязанностей по отношению к бедным, с того взыскивается «против урожая того года вдвое».

Поддержание внешнего благоустройства в каждой колонии и наблюдение за исполнением колонистами натуральных повинностей, само собой разумеется, входит также в круг обязанностей форштегера, как представителя административно-полицейской власти. Он должен «крайне стараться» о том, «чтоб у всех жителей», ему подведомственных, «дворы

всегда обнесены были хорошими плетнями», а все дороги и мосты в пределах отведенных колонии дач содержались в исправности. Их починка производится обществом колонии; уклоняющиеся от такой работы колонисты платят за каждый раз по пяти копеек; лениво же работающие принуждаются к труду в течение целого дня. Всякие караулы и «смотрение» за осужденными выполняются или всеми колонистами по очереди, или специально выбранными для того обществом особыми караульщиками.

Суд и уложение о наказаниях.

Важнейшие преступные деяния колонистов, «криминальные преступления» по терминологии XVIII столетия, а равно преступления «второго класса», изымаются из юрисдикции местных колониальных властей и подлежат ведению «правительства главного». Сюда относятся преступления против веры и верховной власти, разбой, убийство, поджог и похищение казны («криминальные преступления»), а также — прелюбодейство, грабеж, кража из запертого помещения на какую бы то ни было сумму, а из незапертого — стоимостью свыше двух (2) рублей, с намерением и не в драке нанесенные побои, «или же и в драке, но каким ни есть орудием», учиненные скопом по стовору обиды и в особенности побои начальствующим над колонистами лицам, «всякое озлобление и неучтивость» но отношению «к вызывателям и их поверенным и определенным от их к разным должностям форштегерам»¹⁵, расхищение казенных материалов, принадлежащих «определенным в салвогвардию командам», т. е. военным отрядам, назначенным для охраны колоний («преступления второго класса») и, наконец, повреждение или покража заведенных колонистами «по всем предписаниям канцелярии опекунства иностранных и ее конторы» пчельников, «ибо такое преступление выходит из их собственного суда и расправы».

¹⁵ Это правило распространяется на всех вообще форштегеров: «за всякое ж ослушание и неучтивость противу форштегера и за побои просить чрез окружного комиссара у конторы».

За исключением поименованных все остальные преступные деяния «оставляются внутреннему в колониях разбирательству». Органами местного колониального суда являются: 1) форштегер, 2) форштегер вместе с бейзицерами и 3) собрание всех форштегеров и бейзицеров колониального округа в присутствии окружного комиссара и священника (пастора или патера) — «окружной суд».

Форштегер единолично имеет право присуждать виновных колонистов к денежному штрафу или принудительной работе, а суд из форштегера и бейзицеров, с общего согласия его членов, может присуждать и к телесному наказанию. В обоих этих случаях письменного производства дела не требуется.

Собрание всех форштегеров и бейзицеров округа, созываемое в главном его селении, рассматривает в присутствии комиссара и священника те дела, которых не удалось решить на месте, в колонии, благодаря несогласиям между членами колониального суда — форштегером и бейзицерами, а также дела о нанесении колонистами побоев бейзицерам при исполнении последними служебных обязанностей¹⁶. Решающий голос на этом собрании имеют как форштегеры, так и бейзицеры, но голоса тех и других не равнозначны: общее число голосов форштегеров при решении дела имеет такую же силу, как общее число голосов всех бейзицеров, хотя последних вдвое больше, чем первых. Присутствующие на собрании простые колонисты имеют голос только совещательный: «голоса или мнения их ни в какое равновесие» не полагаются, но тем не менее записываются, с указанием, сколько колонистов и кто именно были согласны, или не согласны с таким или иным решением дела. При рассмотрении же дел семейных о ссорах или непослушании отцу, матери или старшему в семействе голоса этих лиц «столько ж силы иметь могут», как бейзицерские.

¹⁶ Виновный в этом преступлении, «по приговору всех форштегеров той округи», подвергается публичному телесному наказанию шелепами не более сорока ударов. Дела об ослушании «противу бейзицера», оскорблении его словами и действием подлежат местному колониальному суду. Виновный подвергается за ослушание шести, за словесное оскорбление двенадцати, а за оскорбление действием восемнадцати ударами шелепами.

Если мнения лиц, присутствующих в собрании с правом решающего голоса, разделятся поровну, то перевес получает то решение, к которому присоединятся комиссар и священник, в случае же несогласия между этими последними, «а в прочих голосах равенства», дело передается «с ясным показанием» (т. е. с данными, добытыми следствием) на рассмотрение саратовской конторы.

Но колонистам приходилось вступать в различного рода столкновения и соотношения не только с своими собратьями, такими же колонистами иностранцами, но и с коренным русским населением, а также с переселенцами – малороссиянами и с калмыками. Все это население, привыкшее к земельному простору и смотревшее на отведенные колонистам земли, как на несправедливо у него отнятые, враждебно относилось к новым насельникам Поволжья и постоянно нарушало их права собственности на воды, леса и луга. Отсюда между ним и колонистами происходили постоянные столкновения и драки, питавшие взаимное озлобление и вражду. Ради смягчения этих напряженных отношений, невыгодно отражавшихся прежде всего на самих нововдворенных колонистах, инструкция предписывает последним, в случае если кто из посторонних выловит у них в озерах, речках или бакалдинах рыбу, вырубит в дачах лес или скосит на лугах траву, «тотчас, захватя только преступников, без всякого озлобления и побой отводить под караулом (к) окружному комиссару и дожидать повеления, а собою отнюдь не управляться, как то доныне от некоторых продерзких людей противно сему делано было.» Рыболовные же снасти, выловленную рыбу, срубленный лес и скошенное сено надлежит «содержать во всей бережливости до получения от конторы на сие повеления». Кто из начальствующих в колониях лиц нарушит эти предписания инструкции, тот будет рассматриваться, как «нарушитель общего порядка», и подвергнется строгому взысканию, «ибо чрез таковые поступки никогда не можно достигнуть им (начальникам) той... дружбы у новых поселян с старыми жителями, до каковой доводить их повелено и какой общая польза новых поселян требует».

Когда нарушителем прав собственности «в целом обществе или и в двух» окажется один человек и причинит убытка на сумму не более двух

рублей, то дело решается проще: если он иностранец — начальниками с обеих сторон, т. е. форштегерами и бейзицерами тех колоний, к которым принадлежат потерпевший и виновный; если же последний русский или малороссиянин, дело разбирается при окружном комиссаре. Виновный в означенном преступном деянии подлежит телесному наказанию шелепами в размере одиннадцати ударов, но приговор считается окончательным и приводится в исполнение в том случае, если он постановлен единогласно представителями сторон, и обиженный считает себя удовлетворенным поименованным наказанием виновного. Об этом составляется письменный акт, «дабы впредь о том спору не было». В противном случае дело представляется на усмотрение саратовской конторы.

Во всех же вообще ссорах со старыми жителями — русскими, малороссиянами и калмыками «в рассуждении недовольного знания здешних прав и языка» колонисты должны обращаться за помощью к своим окружным комиссарам, и при разбирательстве дела «поступать, сколько возможно, снисходительно и правосудно, не чиня ни малейших в требованиях своих излишеств, ибо *от того дружелюбие у новых поселян с старыми жителями всего скорее возрасти может.*» В частности с калмыками насколько полезны добрые отношения, настолько опасны дурные: при добрых отношениях колонисты могут извлечь для себя большую выгоду от купли и продажи калмыцкого скота, а при дурных — от одного «непорядочного» колониста может подвергнуться разорению целое общество благодаря «легкомыслию» калмыков, которым никакая отдаленность не воспрепятствует произвести набег на колонии.

Соответственно преступным деяниям, подлежащим разбору местного колониального суда, наказания, налагаемые последним, состоят 1) в принудительных работах «уроками» в пользу колонии или обиженного лица, 2) в содержании на хлебе и воде, которое летом соединяется с полевыми работами, а зимой — с тюремным заключением не более, как на одну неделю, 3) в совершенном лишении пищи не более двух дней, причем принимается во внимание состояние здоровья наказуемого, «ибо один больше другого снести и без пищи пробыть может», наконец, 4) в случаях более тяжких преступлений и в телесном

наказании шелепами «не больше повеленного числа разов», которое приводится в исполнение форштегером в самом жилище виновного. Рецидивисты, на которых не оказали воздействия неоднократно примененные более легкие степени наказания, «по общему всего селения приговору», и то только за самые важные преступления, могут быть подвергнуты наказанию шелепами до сорока ударов. Но тогда уже необходимо составление письменного акта, в котором обозначается, в чем состояло преступление и сколько голосов было подано за применение означенного наказания.

Наказывая преступника, суд не должен руководствоваться лишь формальным соответствием преступления указанному в инструкции наказанию, «поедику преступления никогда равной важности, а преступники состояния быть не могут». Посему необходимо принимать во внимание как последствия преступления, так и его мотивы. Так, если кто «умышленно или из упрямства» нарушит закон и причинит тем какое-либо зло или убыток обществу или отдельному лицу, то он должен быть наказан «более или чувствительнее» того, кто совершил преступление с теми же последствиями, что и первый, но не умышленно или же от лености, и прежде ничего предосудительного не совершал; а если кто сделается преступником от лености, но не от упрямства», и его преступление «вреда никакого кроме собственного» не причинит, то он наказывается еще слабее, чем второй, а именно: второму против первого наказание сокращается на одну треть, а третьему на половину против второго.

Переходя к частному и конкретному определению инструкцией наказаний, отметим здесь лишь те из них, которыми карается нарушение прав собственности, — наказания за другие правонарушения отмечаются нами попутно в других отделах настоящей статьи.

В случае самовольного захвата чужой земли под посев хлеба, урожай последнего отдается ее собственнику за вычетом одной десятой «в общую сумму». Когда же будет установлено, что «та чужая земля лежала впусе, и хозяин оную за каким-либо случаем вспахать не мог», а следовательно ущерба для него от самовольной распашки не произошло, то в таком случае «за нахальство только» взыскивается с виновного по двенадцати

копеек с каждой распаханной десятины «в общую сумму» и столько же в пользу владельца земли. А если при таких же обстоятельствах будет вспахана целина, то «хозяину ничего не давать для того, что распашка целины в пользу хозяину послужит».

За порубку дерева в чужой даче или даже в собственной, но без разрешения начальства, виновный уплачивает рубль штрафа «в общую сумму»; за каждое же срубленное в чьем-либо саду плодовое дерево взыскивается три рубля, из коих одна половина идет в пользу владельца сада, а другая — «в общую сумму». За похищенные огородные и полевые овощи уплачивается в пользу потерпевшего деньгами по оценке, а сверх того преступник вносит пятьдесят копеек «в общую сумму». В случае несостоятельности преступника предписывается «удовлетворение делать работою»: тогда его рабочий день на своем содержании и с лошадыю оценивается в двадцать копеек, без лошади в десять копеек.

За похищенный в чужом огороде хмель и другие какие-либо непредусмотренные инструкцией плоды, а равно за порчу звериной и птичьей привады виновный уплачивает истцу деньгами по оценке, а сверх того штрафуется в общую сумму на 15 копеек.

За кражу из запертой житницы на сумму не более двух рублей виновный, кроме возвращения украденного или его стоимости деньгами, подвергается телесному наказанию шелепами в размере двадцати четырех ударов и штрафуется «в общую сумму» на двадцать копеек, а в летнее время сверх того употребляется в тяжелую работу на неделю. Если преступник не может возвратить похищенного и не в состоянии уплатить за него деньгами, то он отработывает его стоимость личным трудом по указанной выше расценке. Когда кража совершена не в своей, а в чужой колонии, то телесное наказание производится «при собрании сельского или окружного суда».

За захват чужой лошади и держание ее у себя не более двух дней, без объявления о том начальству, виновный уплачивает хозяину ее по десять копеек за сутки, хотя бы никакой работы на ней и не производил; а если лошадь за это время испортится, и факт порчи будет установлен, хозяину уплачивается, как выше было сказано о заблудившемся скоте, ее оценочная или даже покупная стоимость.

За насильственное отнятие у должника скотины, птиц и всяких вещей заимодавец лишается права на получение части долга, соответствующей стоимости отнятого, причем стоимость скота определяется самим должником, а другие вещи оцениваются посторонними людьми. Само собой разумеется, что отнятое подлежит возвращению его владельцу, «дабы никому своевольно таких беспорядков делать было не повадно».

За намеренный убой чужих домашних животных, кроме птиц и собак, помимо денежного взыскания в пользу хозяина, полагается телесное наказание шелепами, а именно: за лошадь и корову по десяти ударов, а за мелкую скотину — по пяти. Любопытны размеры денежного вознаграждения, устанавливаемого инструкцией за убитых животных.

За убитую корову¹⁷ уплачивается семь рублей;

за овцу и барана — рубль двадцать копеек;

за свинью — рубль;

за козу и козла — пятьдесят копеек;

за дворовую собаку — два рубля;

за охотничью — пять рублей;

за индейку — двадцать копеек;

за гуся — десять копеек;

за утку — шесть копеек;

за курицу — четыре копейки;

за молодых домашних животных уплачивается «против сего в полы».

Если кто повредит или убьет чужой скот неумышленно, то от телесного наказания избавляется: поврежденный скот он должен лечить, а за убитый заплатить «против объявленных» выше «цен только две трети». В случае неуспеха лечения за поврежденный скот уплачивается столько же, как и за убитый.

Когда кто-либо из колонистов, «не взирая на объявленные штрафы и наказания, от продерзостей не уймется», то такового рецидивиста, по

¹⁷ За лошадь платится по оценке.

учинении ему тоекратного телесного наказания, предписывается «под присмотром» отсылать в Саратов для помещения в один из учрежденных там домов — исправительный или карательный, смотря по важности преступления.

Не претендуя на исчерпывающий характер и не предусматривая всех возможных правонарушений, инструкция отметила лишь те из них, которые «чаще других в самом деле случились». Посему, если кем-либо будет совершено преступление, которое в ней «именно не означено», о таковом случае через окружного комиссара надлежит доносить конторе «и ожидать от оной вновь предписания», а до получения последнего нельзя подвергать преступника ни телесному наказанию, ни денежной пене: его можно лишь «по большинству голосов» присудить к принудительной работе, но на срок не более семи дней.

Хозяйство.

Инструкция вводит в колониях Поволжья трехпольный севооборот, не запрещая впрочем делить землю и на четыре поля.

Так как для распашки целины наиболее удобным временем является ранняя весна, как только растает снег и земля отойдет, то начальство колонии должно смотреть за тем, чтобы колонисты еще в зимнее время приготовили все необходимое для пашни и чтобы как орудия, так и рабочий скот были в хорошем состоянии.

Посев яровых хлебов должен быть закончен не позднее 20-го мая, а озимых — «не позже половины сентября месяца».

Когда наступит время пашни, то колонисты по повестке форштегера все одновременно, в один и тот же день, в самые ранние утренние часы выезжают в свои поля и работают под присмотром форштегера и бейзицеров. Форштегер и два или три его помощника (бейзицеры) берут каждый под свое наблюдение часть колонистов и смотрят за тем, чтобы они работали «с крайней прилежностью», и пашня была не мелка. Всякий домохозяин-колонист должен «ежегодно по самой меньшей мере столько

ярового и озимого хлеба» посеять, «чтоб семейству его на пропитание и на семена достаточно быть могло». Так как посеянный на целине хлеб, случалось, заглущался травой, то инструкция предписывала, во-первых, как можно мельче боронить поля, а во-вторых — полоть их, употребляя на эту работу и ребят, начиная с десятилетнего возраста.

С пашни, сенокоса и осенней уборки хлебов колонисты возвращаются все в одно и то же время.

Относительно сенокоса и уборки хлеба инструкция дает специальные указания, основанные на знакомстве с местными природными условиями.

Опытом дознано «и колонистами самими примечено», что удобное время для сенокоса на правой, нагорной, стороне Волги наступает с половины июня и продолжается не более половины июля, на левой же, луговой, стороне, «кроме поемных лугов, коих весьма мало», трава поспевает гораздо позднее, почти одновременно с озимым хлебом, а иногда и позже его. Эта особенность луговой стороны задает трудную задачу земледельцу — справиться в короткое время с двойной работой. Чтобы облегчить ее решение, начальникам колонии вменяется в обязанность почасту осматривать поемные луговые места; как только при таковых осмотрах они заметят, что траву можно косить, так немедленно, «со всевозможною скоростью» и «всеми силами» должны принуждать к заготовлению сена подчиненных им колонистов, «дабы сколько ни есть ускорить сею работою до жатвы, и скосить хотя некоторую часть выросшей травы». Когда же поспеет хлеб, то надлежит, не теряя времени, приступить к жнитву, а траву косить «как жатва и случай допустит, ибо хлеб нужнее сена». На высоких местах, равно как и на правой нагорной стороне Волги, сенокос производится раньше и притом сразу, а не по частям, так как опыт показал, что в последнем случае у многих колонистов «большая часть травы вовсе бесполезною оставалась», или была «совсем вытолочена». Скошенное сено сперва сгребается в копны, а потом мечется в стога «по показаниям во всем вышеописанном окружных комиссаров и нарочных к тому приставников», и только уже из стогов может быть перевозимо в дома. Ослушников этого предписания должно принуждать к исполнению его, «не спуская с лугов, доколе оное исполнят». Для размножения покосов

рекомендуется распахать земли и запускать их в луга.

За сенокосом на правой стороне Волги следует жатва. Когда созреет хлеб, «то не допуская ни мало, чтоб оной от излишнего стояния на корню мог высыпаться, как в прошлом (1768-м) году случилось у многих», надлежит немедленно сжинать его, связывать в снопы «посредственной величины» и класть в тех же полях «в крещи». Когда весь хлеб будет сжат, он перевозится к дворам и кладется «порядочно в клады, дабы какая непогода повредить не могла».

После осенней уборки хлеба начинается его молотья, для каковой работы выбирается хорошая погода.

По получении первого умолога форштегер вычисляет, «каков был урожай и сколько противу посева всякого хлеба прибыли будет», и на основании этого вычисления определяет количество хлеба, остающееся у каждого домохозяина колониста за пропитанием его самого и его семьи. Из этого остатка форштегер побуждает колонистов оставить зерна «в запасе еще на два посева, а по крайней мере на один», на случай неурожая; только после такового отчисления части урожая на семена позволяется продажа хлеба. Об умолоте, сборе овощей и сена и о посеянном озимом хлебе форштегер представляет в саратовскую контору краткие ведомости к 1-му ноября, а об яровом хлебе — к 1-му июня. Не исполнивший этого требования инструкции форштегер в первый раз штрафует на пять рублей, а при повторении подлежит «строжайшему наказанию и отрешению от должности».

Для хранения собранного урожая колонисты строят плетневые или, для лучшей прочности, глинобитно-плетневые житницы, «что при добром присмотре начальников каждый поселянин для себя в короткое время может исполнить». За старание о постройке таковых житниц в своей колонии форштегер получает право «вящего награждения» себе «требовать», а каждый домохозяин-колонист, «кому та пристройка принадлежит», получает от конторы столько денег, «сколько бы за постройку наймом заплатить было должно».

Но хозяйство колонистов не будет полным, если они ограничатся только посевом хлеба; им необходимо позаботиться о разведении и других «произращений», в особенности же таких, «чрез которые и меньшим

трудом более прибытка приобрести могут и без коих им самим обойтись не можно, как то лен и пенька». С следующего 1770 года посев их обязателен для всех колонистов; но самое время посева льна и пеньки инструкция не определяет, так как возделывание этих растений, «как прочих многих разных полезных продуктов», является делом новым для низового Поволжья. Посему установить благоприятное время для посева можно только посредством опытов, производя их «сначала в малом количестве». Семена для опытов даны будут из казны, о чем начальники колоний должны заблаговременно входить с ходатайством и «с предъявлением, каким образом помянутые опыты они делать намерены». «Всякое такое начинание», говорит инструкция, «похвально, а за успех при употреблении трудов как начальники, так особливо те, кто с пользою трудился, оставлены не будут». Но эти опыты с разведением волокнистых растений должны производиться без ущерба для основного занятия — хлебопашества: «за неперменное правило иметь должно, чтоб каждый хлебопашец, при разведении всякого звания произращения, ежегодно по самой меньшей мере столько ярового и озимого хлеба высевал, чтоб семейству его на пропитание и на семена достаточно быть могло». Столь же необходимым и важным делом в хозяйстве, как культивирование льна, инструкция считает разведение овец ради получения от них шерсти, «ибо за недостатком оной, также и льна, никогда колонисты в желаемое состояние прийти не могут».

Только снабдив себя предметами первой необходимости, т. е. всем потребным для пропитания и одеяния, но не прежде, колонисты могут заняться и другими отраслями хозяйства, каковы плодоводство и пчеловодство. К этим промыслам, способным доставить колонистам, «не только собственное довольство, но и прибыток», нужно приступать постепенно, «помалу, стараясь о том от времени до времени, а не вдруг, чего начальникам весьма наблюдать надлежит». Впрочем рачительным и сведущим колонистам не следует чинить в том препятствий и сейчас, раз они не отстают от своих собратий в тех работах, которые признаются в сельском хозяйстве основными.

По условиям местности, где водворены были приволжские колонисты, вопросы лесосохраны и лесоразведения должны были играть

значительную роль в их хозяйстве. Колонизационным законом 19 марта 1764 года было предписано отвести на каждую семью, в счет 30-ти десятинного надела, по 5 десятин лесных угодий. В действительности же каждой колонии *в общее владение*, на избранных самими колонистами местах, было отмежевано лесных угодий, «*сколько возможность допустила*», т. е. иногда значительно менее этой нормы. Посему инструкция вменяет в обязанность колонистам не только с большой бережливостью пользоваться лесными богатствами, но и принимать меры к расширению лесной площади.

На топливо колонисты могут употреблять только валежник, подстойник (засохшие на корню деревья) и срубленные при подчистке леса сучья. На поделки же позволяется рубить деревья и на корню, но для этого предварительно нужно всю отведенную колонии лесную дачу разделить на несколько участков и сначала пользоваться одним участком, по вырубке же его переходить к следующему, потом к третьему и т. д. по порядку до последнего участка. Когда же и он будет вырублен, то первые участки уже получают «довольное время ... к поправлению своему новым произращением».

В видах расширения лесной площади общество каждой колонии отводит и распахивает особые места, на которых каждый колонист при вступлении в брак или рождении у него детей должен посадить определенное число деревьев, а именно: «новоженитившийся» садит «какого ни есть сорту» двадцать деревьев; у кого родится сын, тот садит шесть деревьев, у кого дочь — четыре дерева. Если же кто в назначенный начальством срок этого не исполнит, то сверх посадки должен еще за каждое дерево заплатить по три копейки штрафа.

Кроме такой *обязательной* посадки деревьев инструкция предусматривает и *добровольные* посев или посадку их, за что назначает денежные премии, а именно: первый засеявший лесом пять десятин, «когда по всходу действительно надеяться можно успеху», получает двести рублей вознаграждения от канцелярии опекунства иностранных, второй — сто, а третий — пятьдесят рублей.

По указанию инструкции, всего легче развести лес из «мягкого» дерева, т. е. ольхи, березы, вербы, осины, липы, ивы и ветлы «через посев их

семян», «ибо», наставительно замечает инструкция, «каждое дерево семя свое имеет». Последнее нужно собирать с прилежанием и вовремя, когда созреет, а сеять на ровном месте, на хорошо вспаханных заблаговременно землях и притом на таких же, с каких оно собрано, «ибо иное дерево лучше растет на местах низких, а другое на гористых». Можно конечно разводить лес и посадкой молодых деревьев, привозя их из других мест, «но таковая работа будет уже гораздо затруднительнее посеву».

Хозяйство всякой деревни не может однако ограничиться одними земледельческими работами, — в сельском быту ощущается потребность и в ремесленном труде. Поэтому при водворении колонистов правительство озаботилось о поселении среди них ремесленников, из коих «многие... отменную ссуду пред прочими земледельцами» получили. Начальство колонии обязано «содержать» их «в хорошем порядке и накрепко смотреть» за тем, чтобы каждый из них «по рукоделию своему потребный материал имел в запасе и всегда б жителям своим мог подавать потребную работою своею помощь», не требуя за это «превосходных или неумеренных цен», а довольствуясь установленной с общего согласия расценкой. В особенности же необходима «для всяких сельской экономии нужд» кузнечная работа, почему и надлежит в каждой колонии иметь кузницу и кузнеца. Где своего кузнеца нет, туда нужно приглашать лишних кузнецов из других колоний, делая о том представление конторе, «которая о переводе оных конечно способов и употреблять не оставит». Мастеровых, не исполняющих своих обязанностей, начальство колонии наказывает «задаваемыми уроками» и таким образом «доводит до исполнения повеленного»; в случае же неуспеха этой меры виновный мастеровой каждый раз штрафует заслушание на пятьдесят копеек.

Но и основное население колоний — земледельцы, как мужчины, так и женщины, в зимнее время, когда наступает перерыв в полевых работах, занимаются не только различными отраслями сельского хозяйства, но и своего рода ремесленным трудом, «рукоделием», и отнюдь не остаются в праздности; «а буде собою», гласит инструкция, «успеть в том не могут и довольной работы не сыщут, то представлять конторе». Инструкция дает и указания, в чем примерно должны состоять зимние работы мужчин и женщин. Мужчины ходят за скотом и заботятся о содержании его в

чистоте, в особенности лошадей, производят починку строения, занимаются городьбой вокруг дворов и огородов и готовят все необходимое для весенней пашни. Женщины трудятся в прядении шерсти и льна, в тканье полотен и сукон, в сбое масла и в разведении домашних птиц, «что все для сельского жителя немалую прибыль приносить может».

Вообще все поведение и вся хозяйственная деятельность колониста поставлены были инструкцией под опеку и постоянный контроль со стороны начальства, которое могло распоряжаться не только его силами и трудами, но в некоторых случаях и его собственностью. Так если сельские власти заметят, что кто-либо из колонистов ленится работать, то они распределяют таковому пашню по урокам, указывая, сколько десятин, сообразно с численностью его семьи, он должен вспахать для посева того или другого хлеба. К выполнению урока ленивца сначала побуждают «добрыми советами», а в случае их неуспеха — штрафами, прибавлением урока и даже отобранием у него земли. Последняя тогда отдается какому-либо трудолюбивому колонисту из платежа одной восьмой доли урожая в общую сумму колонии, а бывший ее хозяин приписывается к нему в работники.

Таким *должен был* быть внутренний распорядок в колониях Поволжья согласно инструкции, но это еще не значит, что он вполне был таким в действительности. Широкое применение дисциплинарной власти форштегера ограничивалось уже тем обстоятельством, что эта должность была выборной, и выборы производились ежегодно. Инструкция давала форштегеру не только властное влиятельное положение, удовлетворяя их честолюбие, но и значительные материальные выгоды, а потому большинство их старалось обеспечить себе переизбрание на эту должность и на следующий год; достигнуть же этого можно было, лишь не раздражая колонистов излишней требовательностью и постоянно отступая от строгих предписаний инструкции, уподоблявших жизнь в колонии жизни в приюте для преступников. Канцелярия опекунства иностранных в существовании выборного начала в местном колониальном управлении видела даже главную причину печального экономического и нравственного состояния колоний. «Не мало между ими (колонистами) есть людей», писала канцелярия в 1774-м году, «худого поведения... не

знающих никакого рукоделия и не приобвыкших к хлебопашеству, а притом еще некоторые злонравны и не покорны своим начальникам, а наипаче потому, что выборы и отрешение оных зависит от собственной их воли, следовательно все таковые начальники, будучи всегда подобострастны, не только собратию за преступлении наказывать не смеют, но ниже к должному трудолюбию понуждать могут, а больше принуждены согласоваться ко удовлетворению своих товарищей»¹⁸.

Однако отменить выборный характер должностей форштегеров и бейзицеров не решились, так как это нарушило бы предоставленные колонистам манифестом 22 июля 1763 года права и преимущества.

Г. Писаревский.

Варшавские университетские известия. Варшава. Типография Варшавского Учебного Округа. 1913-VII, с. 1-16, 1913-VIII, с. 17-47.

¹⁸ Архив Главного Управления Землеустройства и Земледелия № 326 (14456): «Краткое описание, учиненное в канцелярии опекунства иностранных о состоянии поселенных около Саратова иностранцев». Оно было представлено графом Григорием Орловым императрице при всеподданнейшем докладе от 4 декабря 1774-го года.